

УДК 316.74:2

ВОЦЕРКОВЛЕНИЕ В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ПРАВОСЛАВИИ: ДИАЛЕКТИКА. ЯЗЫК. КУЛЬТУРА

В.А. Гуркало

ФГБОУ ВПО «Московский государственный университет дизайна и технологии»

Анализируется социокультурная проблематика катехизации и воцерковления в деятельности Русской православной позволяет выявить модели понимания доктрины Церкви в контексте молодежного миссионерства.

Ключевые слова: *катехизация, воцерковление, миссионерская деятельность, русское православие, современная культура.*

На христианском Западе о смене миссионерских тактик всерьез задумались уже в XIX в., когда секуляризация общества стала устойчивой реальностью [9], что вполне ощущалось даже в относительно спокойные эпохи (вроде периода выстраивания церковной политики Наполеона I), хотя корни проблемы восходят уже к Реформации [2]. Для России проблема выглядела задачей менее важной и более периферийной, так как подразумевала в первую очередь христианизацию «окраинных народов», а отношения со старообрядцами и греко-католиками если и были миссионерскими, то подразумевали иное качество миссионерских усилий. В остальном же на фоне впадающего в кризис религиозной идентичности Запада она казалась неприступным форпостом христианства и христианской культуры. Действительно, самой серьезной была «униатская проблема», для решения которой предлагались разные модели [8]. Но масштабные изменения, принесенными двумя революциями 1917 г., вытеснили эту проблему на периферию.

Диалектическую напряженность миссии и воцерковления молодежи в настоящее время определяет произошедший разрыв с традициями академического богословия, среднего богословского образования, полноты понимания ритуала, наконец, самого стиля обиходной приходской жизни. Этот разрыв еще ярче выглядит на фоне не всегда удачных попыток восполнить его. Например, платочки, как вестиментарный знак православной женщины, являются скорее интеллигентской реконструкцией 1960-1970-х гг., когда мало знакомые с храмовым обиходом люди механически копировали всё – и глубинно важное, и случайное. Исторически женщина покрывала голову в зависимости от того, что ей позволяли доходы и каноны одежды, принятые в ее сословии, распространение платочков было результатом того, что количество сословных страт в храме резко сократилось. Также можно видеть, как при договоре о требах человеку, спросившему о «восприемниках», выговаривают за неграмотность, так как, по мнению женщины за свечным ящиком, говорить надо «крест-

ный». На самом деле все обстоит как раз наоборот. Подборки описаний непонятно как возникших местных обычаев, собранных прот. М. Ардовым, несомненно, будут востребованы этнографами [1].

Система религиозной социализации оказалась радикально сбитой, что уже само по себе ставит вопрос о том, что и как в этой ситуации делать. Не случайно В. Лебедев отмечает признаки формирования новой стратификации религиозного сообщества современной России [6, с. 39–51]. Миссия может использовать естественную потребность в самоидентификации: «Человеку свойственна потребность в идентичности с определенным сообществом, несмотря на то, что в свете процессов глобализации и развития различных опосредованных форм коммуникации для самоощущения и идентичности современного человека характерна все большая степень неопределенности» [4, с. 8]. Равно можно говорить и о потребности в ценностном замещении [3, с. 342].

Играет роль внешний фактор – радикально сменявшаяся и продолжающаяся очень динамично меняться внешняя культурная среда. Из иерархов, остро чувствовавших эти изменения, можно назвать митрополита Антония (Вадковского), которому это реалистичное наблюдение на рубеже веков принесло репутацию «либерала».

Опыт этнического миссионерства тут не может быть востребован без поправок, новый социально-культурный опыт недостаточно наработан и до сих пор плохо вербализован. Интересна попытка такой вербализации, предпринятая протод. А. Кураевым (и попытка создания учебника по миссиологии, и учебники по ОПК из-за привходящих событий не оказались внимательно изученными и отрефлексированными [5]). Часть попыток неизбежно носит экспериментальный характер, что мы прекрасно видели, когда начались попытки создания текстов учебников по ОПК.

Исторически прецеденты имеются и на Востоке, и на Западе (в XIX в. св. Иоанн Боско разработал концепцию ресоциализации и воцерковления молодых беспризорников-маргиналов, причем система Д. Боско была жестко ориентирована на христианство в его католическом варианте), но они не столь многочисленны, чтобы выступить как готовая система, кроме того, изменившаяся культурная среда требует их творческого осмысления, к чему не все готовы.

Можно выделить несколько моделей понимания Церкви в контексте молодежного миссионерства.

Модель «гетто», или «Церковь в осаде». В этом случае интерес к результатам миссионерства изначально невысок, а молодежи сразу же предлагаются многообразные и жесткие требования, провоцирующие как просто испуг, так и всплеск молодежного нонконформизма. Предлагающие или имеют культурно специфичный опыт собственного воцерковления, или забыли многие его детали, заслонив их личным мифом. В чистом виде модель «гетто» реализуется нечасто, это более характер-

но для маленьких провинциальных общин, проникнутых консервативными, эсхатологическими и перфекционистскими настроениями.

Модель «Церковь с доставкой на дом». Все особенности этой модели были продемонстрированы католицизмом после Второго Ватиканского собора, протестантами послевоенной эпохи, включая и фундаменталистов (просто последовательность реализации этой модели в разных случаях была разной). Снисхождение понимается не как частный миссионерский прием, а как изменение онтологического характера. Церковь полностью и последовательно нисходит до уровня тех, кого хочет привлечь, не просто откровенно потакая им, а стремясь сущностно им уподобиться (поведение выглядит как компенсация какого-то неведомого комплекса вины). Проницательный писатель Ф. Дюрренматт иронически изобразил пастора, который старается создать новую модификацию христианства, синтезируя фрагменты разных теологов-модернистов. Помимо того, что никакой презентабельной теории из этого не получается, христианская сущность ее вообще утрачивается. Равным образом, это оборачивается и утратой паствы, которой подобные «прогрессивные» изыски были совершенно не нужны.

Модель «церковный стоицизм» – выполнение своего долга без скидок и поправок на меняющуюся реальность. Ответственность за неудачи возлагается при этом, как правило, на «жестоковейших» пасомых, не желающих примкнуть к стаду. Эта модель подразумевает сохранение старых традиций, в том числе не критичное сильное недоверие к новым, причем часто при отсутствии нормальной трезвой богословской критики. Эта модель, возможно, имела некоторые шансы на успех (она, помимо прочих достоинств, эстетически привлекательна) 100–150 лет назад, но сейчас будет выглядеть странным архаизмом.

В современном обществе заведомо предпочтительнее режим диалога, а не керигматического возвещения, исключающего сомнение. Современный человек чувствителен к ограничению его свободы, даже кажущемуся, и с этой устойчивой антропологической особенностью необходимо считаться так же, как, например, с изменением климата.

Стадиальная модель предполагает выделение «средней зоны» между Церковью и миром, которая и выступает как основное поле миссионерской деятельности. Эта зона может, конечно, дробиться на более мелкие. Важно то, что пребывание в таком промежуточном поле – это не только донесение до аудитории определенных знаний и привитие (или хотя бы ознакомление) с церковным праксисом (а второе является подчас более сложным, чем первое, обиход хорошо знают обычно выходцы из семей, члены которых имеют опыт посещения храма, прислуживания в алтаре, наконец, выходцы из семей духовенства, которые также подчас оказываются объектом миссионерства), но и использование иного языка. При этом важно выполнение следующих условий:

1. Этот язык не должен претендовать на замену языка Церкви.

2. Он не должен быть несовместимым с вышеуказанным языком. Он выполняет важную прагматическую задачу.

3. Его использование, по крайней мере, активное, является временным, и сами катехизируемые должны это знать и понимать. От них нельзя это скрывать, даже если такое сокрытие мотивировано боязнью «отпугнуть», на определенном этапе это должно быть ясно и корректно донесено.

Современная миссия осложняется конфликтом поколений, принявшим в настоящее время особенно проблематичные формы. Пример Католической церкви весьма показателен: приход (а во многом привод) в храмы молодежи привел к вытеснению пожилых людей и представителей среднего возраста с консервативной ориентацией в церковных вопросах, так что некоторые просто перестали посещать храмы, некоторые отправились на поиски консервативных приходов. Здесь необходимо осознание и соблюдение определенной иерархии, фундированной не только этически, но и онтологически («свои» и «гости» как крайние точки этой иерархической последовательности), а также умелая сепарация микросоциальных потоков в пределах одного прихода, одного храма, благодаря чему исключаются некоторые нежелательные встречи, а также внятное и искреннее разъяснение священника, что храм не «оккупирован» и не «захвачен» и что в нем не начались «реформы» (события истекших двадцати лет показывают, насколько само это слово является болезненным, впрочем, как и слово «обновленчество», хотя последний обновленческий храм закрылся в 1946 г). Отсюда проистекает еще одно условие: использование миссионерского языка, вообще миссионерские усилия должны быть средством, но не целью. Именно случаи подмены цели средством и создают недоверие к новым формам миссионерства.

Установление своеобразного перемирия, временного компромисса сохранит приход от назревания конфликта. Что и требует от всех участников ситуации осознания этого и отказа от «перетягивания одеяла на себя», даже если для этого и есть законные мотивы. Важно не только довести до сознания верующих, что молодежная миссия – не создание новой субкультуры, и тем более такой, где религия будет лишь второстепенной атрибутикой, как это уже имеет место у ряда молодежных субкультур. Еще важнее не делать ничего, что давало бы основания для таких подозрений. Только в этом случае есть надежда выработать миссионерскую тактику, которая попутно не оборачивалась бы разрушением ранее построенного и, что еще серьезнее, превращением церкви в клуб или иное нецерковное по морфологии и онтологии сообщество.

То, что молодежь в более ранние времена не была полноценно охвачена миссией, в немалой мере объясняет известные факты: секуляризация русской интеллигенции, почти антиклерикальная атмосфера духовных школ, особенно низших и средних, воспитание во вполне благополучных православных семьях слишком большого количества номи-

нальных теплохладных верующих, которые затем, оказываясь в ситуациях выбора, когда в этот выбор были вовлечены и интересы церкви, выбирала отнюдь не то, что хотелось бы видеть тем, кто в течение XX в. работает над историей русской церкви и, в частности, осмысляет события первого двадцатилетия прошедшего века. Несколько приходов, где миссия в принципе была поставлена продуманно и образцово, которыми принято законно гордиться – это не реалии всей Православной церкви в России. Именно этот факт не только обосновывает рассматриваемую проблему, но и делает ее драматичной.

Вопрос о современной миссии (или, как ее порой называют, новой миссии или новом апостолате) действительно стоит весьма остро. Об этом свидетельствует и озабоченность западных конфессий, весьма красноречиво выглядит отведение Иоанном Павлом II нескольких лет, выстроенных в определенной композиции, основная задача которых была «новой евангелизацией». Подобные же заботы мы найдем практически у всех консервативных протестантов. У крайних фундаменталистов эта потребность маскируется их постоянной установкой на прозелитизм и пополнение собственных общин выходцами-конвертитами из других. Все это при том, что секуляризация на Западе шла более плавно, хотя удары, наносимые церкви со времен Французской революции 1789–1794 гг. и до событий Второй мировой войны не следует уменьшать, как это нередко делается.

Если рассматривать эту ситуация в так сказать «тайноводственном» плане, то никакого поэтапного воцерковления не будет, остаются только два звена, две ступени. А поскольку в таком случае человек, как правило, оказывается и неопытным, и неосведомленным, то создается опасная предпосылка для Церкви начинать упрощаться самой, подлаживаясь во всем под уровень такого «катехумена». Более того, В. Лебедев указывает, что индивид, на которого направлены миссионерские усилия, не поймет своеобразия этой ситуации, а, напротив, воспримет ее как должную. В результате в плане чисто социальном церковь превратится в группу, где социальные интеракции происходят по модели «ресторан», где посетитель заказывает то, что хочет, имеет право требовать, чтобы его обслужили, покидает заведение, если обслуживание было неудовлетворительным [7, с. 32–35.]. Даже для протестантских конфессий, пересмотревших роль церковной иерархии, понятна онтологическая противоестественность такой ситуации, не говоря о том, что она неизбежно будет вести церковную общину к гибели через ее онтологическое перерождение, т. е. речь идет скорее не об использовании «языка-миссии», а о характере этого языка (семантике и грамматике), правил использования (прагматике), включающих и границы. К области прагматики относится и вопрос о конечной цели, ответ на который вовсе не так прост. Что именно мы хотим получить в результате молодежной миссии, чем этот желаемый результат будет по своей сути?

Понятно, что сопутствующие цели вроде повышения численности паствы не могут отбрасываться, они вполне уместны, но сами по себе не могут быть первенствующими. Запад демонстрирует нам страшную картину: падение посещаемости храмов при том, что присутствующая там паства зачастую имеет слабое представление о церкви и христианстве, в лучшем случае она усвоила стандартные установки «модернистского катехизиса» (и в прямом, и в переносном смысле). Даже если такая паства и поможет тому или иному приходу собрать средства, необходимые для продолжения существования, то чрезмерно радоваться такому результату не стоит, в целостном контексте ситуации он выглядит скорее как откровенное поражение.

Для Русской православной миссии изучение опыта протестантской молодежной миссии, безусловно, полезно, если будет произведено с должной тщательностью. Это и история многообразных ошибок, а также и пример того, как миссия связана с экклезиологией, и специфика экклезиологии русского протестантизма (если не считать лютеранства, хотя и там ряд пасторов считают миссиологию крайних протестантов вполне приемлемой и аутентичной для себя) делает некоторые методы миссии изначально неприемлемыми для православия (речь может идти только о радикальной переделке некоторых методов, но не более). Изучение этого сектора современной христианской миссии будет в немалой степени уроком ошибок, но уроком при этом очень полезным.

В итоге диалектическое развитие вместо диалога и конструктивного взаимодействия с новыми социальными реалиями может привести к диалектическому скачку, когда христианство просто перестанет быть таковым. В этой перспективе миссия, включая и молодежную, выполняет еще одну цель – предотвращение такого скачка и сохранение экклезиологической аутентичности.

Список литературы

1. Ардов М., прот. Мелочи архи..., прото... и просто иерейской жизни. М.: Собрание, 2006. 244 с.
2. Губман Б. Л. Символ веры Ж. Маритена // Маритен Ж. Философ в мире / пер. с фр. Б. Л. Губмана. М.: Высшая школа, 1994.
3. Губман Б. Л. Ценности // Культурология. XX век: энциклопедия: в 2 т. СПб.: Университетская книга, 1998. Т. 2. С. 341–342.
4. Губман Б. Л., Оджаклы О. Ю. Теория «высокого модерна» Э. Гидденса: дилеммы личностной самоидентичности // Современные формы культурной коммуникации: вызов информационного общества: матер. Всерос. науч. конф.

- Тверь: Тверской филиал Московской финансово-юридической академии, 2011. С. 5–9.
5. Кураев А., диакон. Перестройка в церковь. Эскиз семинарского учебника по миссиологии. М.: Центр библейско-патрологических исследований при Отделе по делам молодежи Русской православной церкви, 2009. 512 с.
 6. Лебедев В.Ю. К вопросу о типологии культур и особенностях религиозного праксиса // Религия. Церковь. Общество. Вып. 2. СПб.: Любавич, 2013. С. 39–51.
 7. Лебедев В.Ю. К вопросу о типологическом моделировании религиозных сообществ // Социально-политические процессы в меняющемся мире: сб. науч. тр. Тверь: ТвГУ, 2005. С. 32–35.
 8. Шавельский Г.И. Воспоминания последнего протопресвитера Русской армии и флота: в 2 т. 2-е изд. М.: Крутицкое патриаршее подворье; ОЛЦИ, 2010. 703 с.
 9. Taylor C. A secular age. Harvard University Press, 2007. 874 p.

IN-CHURCHING IN CONTEMPORARY RUSSIAN ORTHODOXY: DIALECTICS. LANGUAGE. CULTURE

V.A. Gurkalo

Moscow State University of Design and Technology

The article examines cultural problems of catechization and in-churching in the contemporary Russian Orthodox Church. Analyzing factors that prevent religious socialization, it reveals the models of the Church doctrine understanding in the context of youth missionary activity.

Keywords: *catechization, in-churching, missionary activity, Russian Orthodoxy, contemporary culture.*

Об авторе:

ГУРКАЛО Владимир Альбертович – соискатель Института славянской культуры ФГБОУ ВПО «Московский государственный университет дизайна и технологии», Тверской филиал, Тверь. E-mail: uspeniya.volocek@mail.ru

Author information:

GURKALO Vladimir Albertovich – Ph.D. student, Moscow State University of Design and Technology. E-mail: uspeniya.volocek@mail.ru